

DB 975 530

*studia
classica*

Д. М. Петрушевский

ОЧЕРКИ
ИЗ ИСТОРИИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО
ОБЩЕСТВА
И ГОСУДАРСТВА

Петрушевский Д. М.

ПЗ1 Очерки из истории средневекового общества и государства / Под общ. ред. М. А. Морозова; вступ. ст. Г. Е. Лебедевой, В. А. Якубского. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. — 448 с. — (Серия «Studia classica»).

ISBN 5-93762-029-1

Книга известного русского ученого-медиевиста академика Д. М. Петрушевского (1863—1942) посвящена генезису феодализма в Западной Европе. В своей методологии автор следует наметившейся в историографии начала XX века тенденции к отказу от гегелевской философии истории, рассматривающей исторический процесс как прямолинейно-поступательное движение некоего единого целого. Последовательно анализируя политический и социально-экономический строй Римской империи, древних германцев, англосаксонского государства, остготского королевства в Италии и государства франков, Д. М. Петрушевский отвергает господствовавшую в его время натурально-хозяйственную концепцию средневекового строя, определяя феодализм прежде всего как «своеобразную форму политической — административной, судебной, фискальной — децентрализации» и приходя к выводу, что черты «феодализации», характерные, по его мнению, для определенного этапа развития каждого из этих обществ, при всех своих различиях и особенностях «в основе представляют собой явления одного порядка».

Данное издание снабжено обстоятельной вступительной статьей, а научный аппарат этой давно ставшей библиографической редкостью работы приведен в соответствие с современными требованиями и значительно расширен.

Книга адресована историкам-медиевистам, а также всем интересующимся историей раннего Средневековья.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)4

ISBN 5-93762-029-1

9 785937 620293

© Г. Е. Лебедева, В. А. Якубский,
вступительная статья, 2003

© Издательский Центр «Гуманитарная Академия», 2003

нудительных организаций и тем поработив и парализовав когда-то свободную энергию ремесленника, должны были оказаться для нее едва выносимым бременем, окончательно клонившим ее к полному упадку. Если тем не менее она все еще продолжала существовать, поддерживаемая искусственно, путем сурового принуждения со стороны боровшегося за свое собственное существование государства, то недалеко было время, когда должен был наступить конец и этому совершенно призрачному существованию, и хозяйственная жизнь империи, уже не встречая на своем пути никаких искусственных преград, должна была уже окончательно войти в то узкое русло, которое было приготовлено для нее всем ходом предшествующей эволюции римского общества и государства.

XI

Процесс сословного расчленения, совершавшийся в римском обществе и в IV и V вв. постепенно превративший куриалов, солдат, официалов, крестьян, ремесленников и торговцев в неподвижные, резко обособленные наследственные группы, обреченные на подневольную службу государству, захватил и верхний слой общества, его правящий класс. И крупные землевладельцы, которых, как мы видели, так подняло и в хозяйственном, и в социальном, в в политическом смысле прикрепление крестьянства, также мало-помалу сплотились в наследственную касту, в сословие имперских сенаторов (*ordo senatorius*).

Возникновение сенаторского сословия относится в сущности еще к эпохе республики. Уже тогда в римском обществе, как известно, образовалась весьма сплоченная группа, сосредоточившая в своих руках и земельные богатства, и социальное могущество, и политическую власть, монополизировавшая в своей среде все высшие должности в государстве и места в сенате и чрезвычайно энергично отстранявшая от них всякого нового человека. Фактически это уже было высшее сословие римского общества. Принципат, отнявший политическую власть у этого сословия и нанесший отдельным его представителям ряд жестоких и беспощадных ударов, тем не менее не сокрушил его как сословие, да и не имел этого в виду. Напротив, он даже скрепил его юридически.

Уже Август сделал в этом направлении весьма серьезные шаги. Принадлежность к сенаторскому сословию стала наследственной до четвертого поколения, но при сохранении установленного Августом

ценза в миллион сестерциев (несколько более 100 000 рублей*). Дети сенатора, достигнув восемнадцатилетнего возраста, формально принимались в сословие сенаторов, носили титул *clarissimus* и, отбыв претуру, получали право и заседать в сенате. Претура, как и другие магистратуры республиканского происхождения (квестура, консулат), стала теперь лишь почетным титулом, открывавшим двери в сенат и сопряженным с немалыми расходами. Константин Великий сделал прохождение претуры обязательным для членов сенаторского сословия. Это была в сущности фискальная мера, своеобразная форма налога на сенаторские латифундии. Претор должен был дать игры столичному населению (императорское правительство очень, как мы знаем, заботилось об удовольствиях весьма переменчивого в своих политических симпатиях столичного пролетариата) или пожертвовать необходимую для этого, и притом весьма крупную, сумму на какое-либо сооружение или на какую-либо иную общественную цель, которую часто указывал сам император. Уклониться от этой тяжелой повинности было невозможно. Если кто удалялся из столицы, чтобы не давать игр, то игры давали на государственный счет, а издержки взыскивали потом с уклонившегося и еще заставляли его, в виде наказания, пожертвовать городу пятьдесят тысяч четвериков пшеницы. Тот же Константин Великий ввел и другой налог на сенаторские владения, т. н. *follis* (иначе *aurum glebale, glebalis collatio*). Кроме того, сенаторы платили еще в начале каждого нового царствования и в юбилейные годы особый налог, т. н. *aurum oblititium*. Как не принадлежащие к числу граждан того или иного муниципия, римские сенаторы не несли никаких муниципальных повинностей, хотя бы они жили в пределах муниципальной общины, и их поместья не входили в состав муниципальных округов и, следовательно, находились вне сферы воздействия муниципальных властей. Избавлены они были и от т. н. *munera sordida*, разного рода натуральных государственных повинностей, лежавших на землях всех остальных *possessores* (вроде поставки подвод, починки дорог и мостов и т. п.). Поземельный налог (*capitatio terrena*), лежавший на всех землях в империи, платили и сенаторы, но для них существовал с императора Констанция особый кадастр, и налог свой они вносили непосредственно представителям казны, а не через посредство куриалов.

* Здесь и далее пересчет на рубли дается автором применительно ко времени написания данного труда.

Помимо происхождения в сословие сенаторов вступали и путем прохождения имперских должностей: сенаторское звание являлось венцом служебной карьеры. До поры до времени могли получать сенаторское достоинство, как мы знаем, и прошедшие все муниципальные должности куриалы.

Говоря о сенаторском сословии, мы до сих пор имели в виду социальную группу, из среды которой выходили члены высшего учреждения в государстве. Сенаторами были действительные члены римского сената, имевшие право и обязанность заседать в нем. Но так было лишь до конца третьего столетия, самое большое — до начала четвертого. С этого времени замечается все более и более бросающийся в глаза факт сенаторского абсентеизма. Сенаторы начинают предпочитать дорогой и во многих отношениях стеснительной, а нередко и не вполне безопасной жизни в столице привольное житье в своих крупных поместьях, превращаясь в провинциальную землевладельческую знать и вовсе не являясь в столицу для исполнения своих служебных обязанностей. Число сенаторов, действительно заседающих в сенате (римском или константинопольском), постепенно уменьшается. Право пошло навстречу все более и более развивавшемуся жизненному факту, и конституцией императоров Феодосия II и Валентиниана III (около 443 г.) двум нижшим категориям сенаторов, носившим титулы *clarissimus* и *respectabilis*, разрешено было беспрепятственно жить в своих поместьях и вовсе не нести своих служебных обязанностей. Возможно, что с этого времени *clarissimi* и *respectabiles* и теряют право заседать в сенате, в котором остаются, таким образом, лишь одни *illustres* из высших сановников империи.

Сенат, таким образом, отделяется от сенаторского сословия, которое все более и более расширяется и включает в себя всех крупных землевладельцев в империи. Сенат превращается в муниципальную курию столицы, а сенаторы — в могущественную аристократию империи, сильную своим богатством, своей властью над массой и своими привилегиями. Вбирая в себя все, что было в обществе богатого, сильного и чиновного, аристократия эта постепенно ассимилировала себе верхние слои муниципальной знати (пока этому ослаблению муниципиев не был, как мы знаем, положен предел императорскими конституциями, постепенно закрывшими выход из курий и вечными узами прикрепившими к ним куриалов), а также и когда-то соперничавшее с ней сословие всадников (*ordo equester*), которого с IV в. мы уже не видим в социальном строе империи. Постепенно в руках этой аристократии сосредоточились почти все

земельные богатства империи и почти весь тот движимый денежный капитал, какой еще оставался в римском обществе после крушения его денежного хозяйства.

Без преувеличения можно сказать, что все те перемены, которые произошли в строе римского общества под всемогущим воздействием фискальных требований государства, послужили на пользу аристократии, земельные владения которой все расширялись за счет земель разоренных и обездоленных куриалов и более мелких собственников, не вынесших непосильного бремени государственного тягла, и обеспечивались закрепощенной за ними государством рабочей силой. В руки ее постепенно перешла и масса земель, скопившихся некогда в руках фиска, масса императорских доменов, составлявших материальную основу могущества римских самодержцев. Земельный фонд римской монархии уже в III и IV вв. сильно поубавился благодаря тому, что императоры щедрою рукою раздавали свои земли высшим сановникам, а еще более благодаря переходу множества императорских поместий в наследственную аренду и владение представителям того же сенаторского класса, и исследователи не без основания указывают на то, что это ослабление главной основы правительственных средств империи должно было усилить податное бремя, ложившееся на население, и ускорить те социальные последствия, о которых мы вели речь в предшествующих главах.

Член сенаторского сословия являлся естественным кандидатом на все высшие административные посты в имперском управлении, и это обстоятельство создавало тесную связь и солидарность между администрацией империи и ее правящим классом, не способствовавшую, как сейчас увидим, прочности деспотического режима и парализовавшую его даже искренние стремления охранять право и закон. Сенаторское сословие являлось настоящим правящим классом римского общества. Магнат, *vir potens*, был господином положения в этой деспотической империи и в качестве крупного землевладельца, располагавшего массой закрепленных за ним рабочих рук, и в роли высшего сановника, не встречавшего никаких действительных преград для проявления самого широкого произвола и не ставившего их тем, кто был достаточно силен, чтобы не считаться с существующим правом и законом, и в качестве господина (*dominus*) сидевшего на его земле многочисленного крестьянского населения.

Мы уже имели случай более или менее подробно останавливаться на выяснении общего характера крупного поместья последних веков империи и уже знакомы с положением, какое занимал в нем

его собственник, наделенный административными полномочиями со стороны центральной власти, безмерно увеличивавшими его и без того обширную власть над хозяйственно зависимыми от него людьми, его колонами, и сделавшими для него в конце концов возможным игнорировать центральную власть и ее даже законнейшие требования. Центральная власть все более и более слабела, и императорские конституции, IV и V вв. полны бесконечных жалоб на неисполнение сильными людьми велений законодателя и столь же бесконечных угроз ослушникам. Общественная безопасность уже не находила своих законных охранителей. Слабому человеку все труднее и труднее становилось жить в этом царстве сильных, если он не отдавал себя и свое имущество под покровительство кому-нибудь из них. Под покровительство магната бежит и куриал, чтобы избавиться от тяжкого бремени муниципальных повинностей, и еще не утративший свободы и свободного участка мелкопоместный сосед (императорские конституции называют этих мелких землевладельцев *agricolae, rustici, agricolae vel vicani propria possidentes*, а иногда и *possessores*), чтобы предупредить насильственный захват того и другого этим магнатом или его управляющим, и вырвавшийся из своей наследственной тюрьмы коллегиат. Заступничества его ищет и вовсе не слабый человек, желая выиграть тяжбу и зная, что из лицеприятия в отношении к его патрону, а то и из простого страха перед ним суд непременно решить дело в его пользу, как бы слабы ни были юридические к тому основания. Ищет его и тот, кто хочет уклониться от платежа требуемых государством налогов, уверенный, и не без основания, что, находясь под защитой могущественного человека, он или вовсе ничего не заплатит казне, или же отделается взносом лишь части того, что следует с него по закону. Земельный магнат являлся единственным обладателем денежного капитала, какой еще оставался в римском обществе при торжестве более элементарных хозяйственных форм, и у него одного мог взять ссуду средний и мелкий землевладелец, попав в затруднительное положение от плохого ли урожая, от тяжести ли налогов, или же придавленный бременем муниципальных повинностей (если это был куриал); но эта кредитная сделка весьма нередко приводила к тому, что и сам должник, и его земля попадали под власть могущественного кредитора, увеличивая его силу и богатство.

К таким же результатам вело и покровительство, которого у него искали все те, кто в нем нуждался. Покровительство это, обозначаемое вошедшим в то время в широкое употребление термином

patrocinium, весьма определенно изображается законодательными и литературными памятниками изучаемой нами эпохи как такое отношение, которое влечет за собою переход ищущего покровительства лица под власть того, кого оно избирает своим патроном, и передачу его земли в собственность этому последнему. Из императорских конституций мы видим, что мелкие землевладельцы, желая по тем или иным причинам передать себя и свою землю под покровительство сильного человека, заключали с ним у нотариуса, с соблюдением всех формальностей, юридическую сделку, в силу которой их земля становилась полной собственностью магната. По существу, однако, эта сделка была фиктивной, так как, если это был, например, акт продажи, то магнат при этом денег не платил, но результаты ее были вполне реальны, обладали полной юридической силой. Но переход земли в собственность патрона вовсе не влек за собою удаления с нее ее прежнего собственника. Прежний собственник оставался на ней; патрон давал ему на это позволение, отдавая ему эту землю в пользование в качестве прекария, т. е. без юридического обеспечения, с правом во всякое время взять ее назад, и получая с него за пользование ею ежегодно часть продуктов, а то и самый труд его, насколько он нужен был в хозяйстве магната (мы имеем в виду те случаи, когда покровительства сильного искал мелкий собственник, землевладелец). Становясь арендатором, держателем когда-то ему самому принадлежавшей земли, искавший покровительства человек терял и свою личную независимость и превращался в клиента магната, в подвластного ему человека, в его подданного («они отдаются под защиту и под покровительство магнатов, становятся подданными богатых», — говорит марсельский священник Сальвиан, — «и как бы переходят под их власть и в подданство к ним»)¹¹. Только такое положение и делало для мелкого люда возможным существование; только под властью и защитой сильных, *sub umbra potentium*, могли они не бояться царившего в обществе насилия и произвола, каждую минуту угрожавших их жизни, имуществу и свободе; только здесь они могли укрыться и от законных требований, которые предъявляло к ним становившееся все более и более требовательным государство.

¹¹ *Salvianus. De gubernatione Dei // Opera omnia. Recensuit et commentario critico instruxit Franciscus Pauli / Ed. Baluze. Vindobonae, 1883. P. 111—112: Tradunt se ad tuendum protegendumque majoribus, dedititios se divitum faciunt, et quasi in jus eorum ditionemque transcendunt.*

Императорские указы ничего не могли сделать с этим все более и более развивавшимся переходом всех, кто еще сохранял имущественную и личную независимость, а также и многих из тех, кто уже стал холопом государства, под частную власть сильных людей. Только одни сильные люди могли свободно дышать в этой атмосфере всеобщего угнетения и бесправия, одни они могли не бояться тех многочисленных и разнообразных бед, какими грозило всякому среднему человеку деспотическое государство с его неумолимыми, превышавшими всякую меру фискальными требованиями, с его свободной от всякого общественного контроля, воспитавшейся на безграничном произволе, насилии и грабеже бюрократией и с его полным бессилием заставить уважать закон своих собственных агентов как в центре, так и в областях, а также и всех тех, кого весь ход общественной эволюции поставил выше всякого права и закона. Только они одни могли и спасти от этих бед.

Образование союзов частного покровительства являлось таким же органическим продуктом эволюции римского общества, как и образование поместного строя в том его виде, какой он постепенно принял по мере закрепощения колонов и передачи крупному землевладельцу административных функций в отношении к экономически зависимому от него населению его поместий. Отдельные ли лица переходили под частную власть сильных людей или целые общины, целые деревни (*patrocinium vicorum*), и в том, и в другом случае мы имеем дело, как и наблюдая возникновение поместного строя, с органически развивавшимся процессом возникновения нового социального и политического строя, неудержимо шедшего на смену отживавшему и разлагавшемуся старому общественному и государственному порядку. Если мы обратим должное внимание на то, что патронами являлись обыкновенно представители высшего сенаторского класса (как занимавшие административные должности, так и частные лица), крупные землевладельцы, и что развитие патронатных увеличивало их земельные богатства и число их зависимых людей, то можем с полным основанием утверждать, что развитие частного покровительства представляло собою лишь одну из сторон совершавшегося в Римской империи общего процесса перехода широкой государственности и общественности в узкие формы поместного существования с характеризовавшим его теперь значительным натуральнохозяйственным самодовлением и политической властью крупного землевладельца над экономически и лично зависимыми от него и сидевшими на его земле людьми.

Крупное поместье все расширялось за счет земель безостановочно таявшего под бременем муниципальных повинностей среднего земельного класса (куриалов) и столь же неуклонно убывавшего и без того крайне тонкого слоя свободных мелких землевладельцев. Одновременно с этим оно притягивало в состав своего населения все большее и большее количество социально слабых элементов, которые не могли сохранить личную и хозяйственную независимость и под частною властью магната (*sub umbra potentium*) находили все то, чего не могла дать им власть государственная, и в то же время получали возможность стряхнуть с себя невыносимое бремя, какое налагала на них эта последняя, и постепенно таким образом превращалось в настоящее государство, лишь слабо, чисто внешним образом связанное с имперским центром и почти окончательно утратившее внутреннюю связь с ним и солидарность. В то время как имперская государственность, вся эта крайне сложная бюрократическая система центрального и местного управления, являлась для массы лишь железной клеткой, связывавшей всякое свободное движение и убивавшей всякую жизнь, грандиозным насосом, высасывавшим из нее последние соки, и в то же время оказывалась совершенно неспособной обеспечить ей сколько-нибудь удовлетворительным образом самые элементарные условия личной и имущественной безопасности, под властью земельного магната, на территории его владений всякий мог найти и землю для обработки, и право, и закон.

Преследуя свои чисто фискальные цели, центральная власть, как мы знаем, наделила земельного магната административными функциями в отношении к подвластному ему населению его поместья, имея в виду превратить поместье в свой административный орган, как это сделала она с муниципиями и с коллегиями. Но то, что вполне удалось ей сделать с муниципиями и коллегиями, не удалось с поместьями; то, что убило и муниципии, и коллегии, постепенно иссушив в них все источники жизни и превратив когда-то полные жизни общественные организмы в мертвые колеса правительственного механизма, всюду вносившего смерть и разложение, оказалось бессильным в отношении к поместьям. Мало того. Поместья не только не утратили от этого своей самостоятельности, но стали еще сильнее и независимее. Возложив на крупного землевладельца ответственность за исправное поступление в казну подати с сидевшего на его земле крестьянства, империя принуждена была передать ему власть над крестьянством и этим увеличила его социальную силу и укрепила основу его политической независимости.

Центральная власть сама, таким образом, в своих собственных интересах вынуждена была принимать меры, способствовавшие развитию таких общественных сил, которые, развиваясь, подрывали ее собственные основы. Подрывала она почву под собственными ногами и своей, подобной же, политикой и в отношении к муниципиям и к ремесленным и торговым коллегиям, иссушая и разрушая источники народного благосостояния, а следовательно, и своих собственных правительственных средств. Но в то время, как закрепощение муниципиев и коллегий несло лишь смерть и разложение, та же попытка центральной власти превратить в свой административный орган поместье лишь укрепляла корни новой жизни, с неуклонностью стихийного процесса развивавшейся на развалинах старых форм. Организуя, по мере падения своего денежного государственного хозяйства, всю хозяйственную жизнь общества в форме одного грандиозного ойкаса и внося для этого принцип принуждения во все до тех пор свободно действовавшие общественные организации, превращая их в механически функционирующие (ср. *functio*), безжизненные органы извне направляемого механизма, империя, естественно, убивала этим самые основы хозяйственного и общего культурного развития, несовместимого с подавлением личной и общественной энергии и инициативы, с утратой свободы и личного и общественного самоопределения, и тем со своей стороны сильно двигала совершавшийся в римском обществе процесс перехода к элементарным формам хозяйственной жизни. Но, обессиливая и, если можно так выразиться, окостеняя такие общественные организации, как муниципии и коллегии, политика эта, примененная к поместьям, уже давно успевшим сосредоточить в себе едва ли не все хозяйственные и социальные элементы земледельческого производства, все более и более становившегося главной, основной формой хозяйственной деятельности общества, и заставившая поместья служить интересам государства в качестве составных частей государственного ойкаса, именно в поместье натолкнулась на такую комбинацию общественных сил, которая не только не была ею сокрушена на подобие муниципия и коллегии, но еще более укрепилась и стала еще более жизнеспособной.

Поместье и было той формой хозяйственной, социальной и политической организации, которая при тогдашних условиях (разумею крупные успехи натурального хозяйства, резкое социальное расчленение общества и деспотизм, соединенный с полной дезорганизацией и бессилием правительственной власти) являлась единственно

возможной формой нормальной, живой жизни. В нем сосредоточивалась вся жизненная энергия общества, отливавшая от старых форм, и умиравшее государство бессильно было перед ним, не могло вполне ассимилировать его и тем обречь на неизбежную смерть. Человеческое общество не умирает подобно индивидууму. Находящаяся в нем энергия лишь меняет формы своего проявления; отливая от одних общественных и политических форм, она переходит в другие, являющиеся органическим продуктом изменившихся общих жизненных условий и в данный момент более всяких других жизнеспособные и жизнеспособствующие.

Мы не имеем решительно никакой склонности представлять себе жизнь в поместье римского магната IV и V столетия в виде трогательной социальной идиллии. Напротив, мы имеем немало оснований вполне определенно утверждать, что если самим магнатам спокойно и привольно жилось в роскошных и изящных виллах, утопавших в прохладной зелени великолепных парков, то далеко не веселым и не радостным было существование их подданных, устраивавших им эту роскошную и праздную жизнь. И тем не менее мы не можем отрицать того, что именно здесь, под властью и защитой магната, мелкий люд мог вести более обеспеченное и более спокойное существование, чем предоставленный самому себе, отданный на произвол царившего в обществе права сильного и лишенный всякой защиты со стороны бессильного его защитить и в то же время давившего его всюю тяжестью своих фискальных требований государства.

Общественная эволюция Римской империи давно уже привела к сосредоточению земли в руках крупных землевладельцев, и в то же время целый ряд условий, между которыми все возраставшее давление фискальных требований государства занимало особенно видное место, повернул хозяйственное развитие римского общества назад, к давно уже изжитым им элементарным хозяйственным формам и, подкопав основы городской промышленности и торговли, выдвинул на первый план в качестве главного, основного способа добывания средств к существованию земледелие, и естественным, неизбежным результатом всего этого явилось то, что пульс хозяйственной жизни римского общества переместился в поместье, представлявшее собою, как мы уже знаем, своеобразную систему мелких хозяйств, тянувших к одному владельческому центру и направляемых, прежде всего, чисто потребительными, натуральнохозяйственными требованиями этого последнего в связи с такими же притязаниями имперского фиска.

Вот, на наш взгляд, основная причина торжества поместного строя в Римской империи и постепенного разложения им имперского единства.

Государственная организация империи, как мы уже имели случай указывать в другом месте, явилась ответом на запросы хозяйственного и общего культурного развития стран и народов Европы, Азии и Африки, объединенных римским оружием и вступивших в тесное хозяйственное общение, крайне стесняемое той узкой политической рамкой, какую представлял собою республиканский Рим, хищнически владычествовавший над своими поместьями-провинциями (*praedia populi romani*). Империя явилась политической формой, удовлетворявшей основным потребностям развивавшегося в объединенном римском оружием мире менового, народного хозяйства. Являясь, таким образом, в значительной мере постулатом народнохозяйственного развития, римская государственность эпохи империи всецело была построена, как на своей материальной основе, на народно- или денежнохозяйственном базисе, т. е. располагала, в качестве своих правительственных средств, необходимых ей для содержания своего огромного административного аппарата и колоссальной военной силы, денежным фондом, слагавшимся прежде всего из денежных поступлений обложенного поземельным и всякими другими налогами населения. Фискальная политика империи в связи с другими, столь же пагубно влиявшими на хозяйственную жизнь римского общества факторами, нанесла непоправимый удар экономическому развитию римского мира и повернула это развитие назад, вызвала переход к элементарным хозяйственным формам, чем в сущности подkopала почву под широкой политической организацией империи, рассчитанной, так сказать, на общество, поднявшееся на высшую, народнохозяйственную ступень.

Тем не менее империя не сразу уступила место более узким политическим формам. Прежде чем разложиться на ряд более простых политических тел, она сделала попытку приспособиться к новым хозяйственным условиям, и мы видим постепенный переход правительства от денежного обложения к взиманиям натурой и наблюдаем едва ли не единственную по своей грандиозности попытку принудительной организации хозяйственной жизни всего огромного мирового государства в форме единого хозяйственного целого, направляемого чисто потребительными интересами государственного механизма.

Но эта попытка не могла быть успешной. Превратив в безжизненные, чисто механически функционировавшие органы государства живые общественные организации, попытка эта лишь усилила хозяйственный упадок римского общества, лишь ускорила его попятное движение к элементарным хозяйственным формам, а следовательно, еще более расшатала основы, на которых зиждилась широкая политическая организация империи. И в то же время эта система натурального государственного хозяйства, к которой попыталась перейти империя, окостеняя такие общественные организации, как муниципии и коллегии, превращая их в безжизненные части своего правительственного механизма, не только не парализовала жизненного развития поместья, но лишь расчистила почву для его торжества как хозяйственной, общественной и политической организации, и даже со своей стороны, путем положительных мероприятий, способствовала постепенному превращению собственника поместья, земельного магната, в настоящего владетельного князя, мало заботившегося о том, что существовало за пределами его обширной территории, и, в частности, совершенно подчас игнорировавшего интересы и требования центральной власти.

Широкая государственность империи, потеряв под собою почву, разлагалась и должна была уступить свое место более узкой политической форме, вполне соответствовавшей элементарным хозяйственным формам, к которым постепенно перешло римское общество. А такой политической формой и являлось поместье в том виде, какой оно постепенно приняло, мало-помалу перейдя от крупного денежного хозяйства к системе мелких колонатных и рабских хозяйств, направляемых прежде всего чисто потребительными интересами фиска и собственника или наследственного арендатора поместья, господина (*dominus*) сидевшего на его территории многочисленного населения зависимых от него людей (*homines*), их правителя и судьи и их естественного защитника от всяких внешних притязаний и обид.

Римской империи предстояло, таким образом, распасться на ряд крупных магнатских владений, постепенно порывавших связь с общегосударственным центром и все более и более обособлявшихся в своем хозяйственном и политическом самодовлении. Таков был неизбежный результат всей предшествовавшей эволюции римского общества и государства, тех внутренних процессов, которые в нем развивались, разрушая и материальные, и моральные основы имперского единства. Но прежде чем распасться на внутри ее организма

развившиеся более мелкие политические тела, империя подверглась воздействию одного очень важного внешнего фактора, значительно осложнившего процесс ее внутренней эволюции и несколько видоизменившего его естественные политические результаты. Мы разумеем воздействие на Римскую империю германского мира¹². К выяснению этого воздействия мы и должны теперь перейти.

XII

Первое знакомство римлян с германцами относится приблизительно к 100 г. до Р. Х., когда племена кимбров и тевтонов наводнили южную Галлию и север Италии, настойчиво требуя уступки им земель на римской территории. Известно, что этот первый дебют германцев кончился для них весьма плачевно, что Марий разгромил варварские полчища, что остатки их частью были захвачены в плен и проданы в рабство, а частью бежали, оставив, однако, о себе у римлян грозную память.

Лет через пятьдесят после этого сильное германское племя свевов с Ариовистом во главе пыталось утвердиться в южной Галлии, но Цезарь, занятый в то время завоеванием Галлии, вытеснил их обратно за Рейн.

После смерти Цезаря римляне захватили даже области мелких германских племен, живших на левом берегу Рейна, и здесь было положено основание «провинции Германии». С этих пор, то есть приблизительно с момента утверждения монархии в Риме, устанавливаются постоянные отношения между римлянами и германцами,

¹² Для более подробного ознакомления с историей постепенного утверждения германцев на территории Западной Римской империи и распада Западной империи на ряд варварских королевств рекомендуется второй том «Истории общественных учреждений древней Франции» Н. Д. Фюстель де Куланжа (*Фюстель де Куланж Н. Д. История общественных учреждений древней Франции* / Пер. с фр. под ред. И. М. Гревса. СПб., 1901) и статья И. М. Гревса (*Гревс И. М. Аларих и вестготы* // Книга для чтения по истории Средних веков / Под ред. П. Г. Виноградова, М. Ф. Владимирского-Буданова. Вып. 1. Киев, 1906), а также: *Wielersheim-Dahn F. Geschichte der Völkerwanderung*. Berlin, 1880; *Schmidt L. Allgemeine Geschichte der germanischen Völker bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts* // *Handbuch der mittleren und neueren Geschichte* / Hrsg. von G. von Below, F. Meinecke. München—Berlin, 1909; *Dahn F. Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker*. 2 Aufl. Bd. I. Berlin, 1899.

различные при различных обстоятельствах с той и с другой стороны. Римляне заняли всю рейнскую линию и линию Дуная, и на этой пограничной черте и происходили столкновения между римским миром и германцами и взаимное влияние их. Иногда римляне переходили эту черту, проникая и за Рейн, и за Дунай; но эти попытки их подчинить себе и дальнюю Германию продолжались недолго. Отдаленность театра войны, слишком большая растянутость боевой линии, храбрость варваров, убийственный климат и суровость природы страны — все это должно было положить конец этим попыткам. Поражение *Вара* в Тевтобургском лесу (в 9 г. после Р. Х.) — факт, очень в этом отношении красноречивый. Говорят, что после этого Август заставлял Тиберия оставить мысль о дальнейшем расширении империи. Победы Германика восстановили честь римского оружия, но завоевательная политика была оставлена императорами, и ее сменила политика обороны.

На рейнской границе германцев сдерживала стотысячная армия. На протяжении с лишком 490 верст, от теперешнего Кобленца на Рейне до теперешнего Регенсбурга на Дунае, была постепенно возведена целая система укреплений, т. н. *Римский вал*, *Limes Romanus*, начатый, может быть, Домицианом, законченный Траяном и расширенный Адрианом. Непосредственно вал этот защищал т. н. *Десятинные поля*, *Agri Decumates*, территорию, колонизованную римлянами внутри варварского мира, этот, по выражению Тацита, залив в глубь варварства (это — треугольник, образуемый Дунаем, Рейном и Неккаром, где теперь часть великого герцогства Баденского и часть королевства Вюртембергского; название *Agri Decumates* произошло, как думают, от десятины, которую колонисты должны были платить фиску из продуктов полученных ими казенных полей).

Кроме военных отношений, между римлянами и германцами происходило мирное культурное общение и торговый обмен. Вокруг лагерей римских легионов вырастали богатые и цветущие римские города (Майнц, Кельн, Страсбург, Вормс, Шпейер, Трир, Аутсбург, Регенсбург), распространявшие вокруг себя римскую культуру и цивилизацию, которой не оставались чужды соседи-германцы, относившиеся к Риму с чувством несколько суеверного почтения. Отдельные германские племена нередко заключали с римлянами союзы, а некоторые из них даже обращались к императорам с просьбой назначить им князей. Отдельные германцы, а иногда целые дружины германцев со своими вождями вступали на римскую службу. Кро-

ме того, массы германцев уводились в плен и в качестве рабов или колонов восполняли недостававшую рабочую силу для обработки казенных земель и латифундией знати. Таким образом, и римское войско, и римское крестьянство пополнялось силами варваров, и варварские элементы постепенно проникали таким путем в организм римского общества, замещая в нем недостававшие ему его частицы. Пока эти элементы усваивались организмом вполне, не оказывая еще заметного изменяющего влияния на самый организм; но чем дальше, тем влияние это становилось все заметнее, и организм стал весьма заметно перерождаться. Более близкие отношения между римлянами и германцами, познакомя германцев с преимуществами цивилизованной жизни и развив в них жажду сделаться участниками этой жизни, в то же время более близко познакомили римлян с германцами, чему красноречивым свидетелем является знаменитая «Германия» Тацита (в конце I в. после Р. Х.).

Таким образом, между римским миром и германцами установилось известное равновесие, и равновесие это сохранялось около полутора столетий, обеспечивая империи известное спокойствие.

В 165 г., при императоре *Марке Аврелии*, жившие на дунайской границе союзные с римлянами германские племена — маркоманны, квады, гермундуры, вандалы — соединились и наводнили соседние провинции — Паннонию, Норик, Рецию, Иллирию; часть их проникла даже за Альпы и осадила город Аквилею. Опустошая римские области, варвары требуют теперь, как и во времена Марии, земель для поселения. Император стал во главе легионов, и началась известная *Маркоманнская война*, тянувшаяся целых пятнадцать лет (от 165 по 180 г.). Сын и преемник Марка Аврелия Коммод прибег к подкупу, чтобы окончательно замирить самых упорных из входивших в состав союза варваров, которых нельзя было смирить силою оружия. Союз распался, и самое имя маркоманнов скоро исчезло из истории, а сами они частью были переселены на территорию империи и размещены по провинциям, частью примкнули к соседним племенам.

Маркоманнская война была истинной прелюдией т. н. «*великого переселения народов*». С этих пор, то есть с конца II в. и особенно с начала III в., начинается почти непрерывающееся движение германцев на пограничные территории Римской империи. С этих же пор римлянам приходится уже иметь дело не с мелкими германскими племенами, разрозненными, а потому и сравнительно легко уступавшими организованной силе империи, а с большими племенными

федерациями (первый опыт такой федерации германских племен мы видели во время Маркоманнской войны), известными нам из современных авторов под именем аллеманов, бургундов, франков, вандалов, лангобардов и проч. Все эти германцы предлагают империи военную службу и обещают ей свою верность, если она даст им земли на своей территории.

Является вопрос: какова причина открывшегося Маркоманнской войной движения германцев на империю? Почему до тех пор германцы находились в состоянии сравнительного покоя и относительно мирной оседлости?

В ответ на это можно указать на два обстоятельства, различные по своему характеру. Переход германцев к оседлости и земледелию имел своим прямым последствием прирост населения, а между тем земледельческая техника почти не сделала никаких успехов, во всяком случае далеко не поспевала за ростом населения. В результате такого несоответствия между ростом населения и развитием земледелия явилось то, что занятых германцами земель не хватило для них и явилась необходимость искать новых земель для поселения. Удобных для земледелия мест было мало: германцев окружали леса и болота, и размножившиеся германцы, естественно, направляются к границам империи.

Если в земельном вопросе следует искать основную причину начинавшегося с особенной силой с конца II в. движения германцев на Римскую империю, то в целом ряде других фактов можно видеть второстепенные причины этого явления. Среди этих других фактов можно назвать прежде всего давление на более близких к империи германцев более отдаленных германских племен, среди которых происходили различные внутренние движения, приводившие к переселению их. Исходной точкой в данном случае являются южные берега Балтийского моря, и германским народом, начавшим движение, были готы, принадлежащие к восточной отрасли германской расы.

Предполагают, что одна ветвь готов, живших по берегу Балтийского моря, между Одером и Вислой, переселилась на Скандинавский полуостров, но во II в. после Р. Х. опять вернулась к своим соплеменникам, которые к этому времени успели уже в значительной мере размножиться и почувствовать все неудобства малопродуктивной земли и низкого уровня земледельческой техники. Это возвращение домой искавших счастья в Скандинавии готов в связи с давлением напавшей с востока славяно-литовской колонизации сдвинуло с места всю массу готов и направило ее к югу (путь на запад был уже

прегражден другими германскими племенами). И вот, во второй половине II в. после Р. Х. все племя готов движется к Черному морю, и около половины III в. мы застаем их уже расселившимися на обширном пространстве между Днестром и Доном. Двигаясь к югу, готы потеснили более западные германские племена, и в результате этого было уже известное нам нашествие маркоманнов на римскую территорию, а также то, что жившие за Эльбой аллеманы и бургунды (представлявшие собою, как мы видели, племенные федерации) придвинулись к Рейну, предоставив свои земли другим германским племенам, среди которых образуются новые крупные союзы — вандалы, лангобарды и др. Утвердившись между Днестром и Доном, готы скоро становятся грозой империи и громят ее восточные части с суши и с моря. Хотя императорам иногда удавалось наносить им страшные поражения (в одном, например, сражении, говорят, было убито 320 000 готов), но в конце концов пришлось уступить им провинцию Дакию (на левом берегу нижнего Дуная, ныне Румыния и Трансильвания). Такие же последствия имела для империи борьба с аллеманами: аллеманам были уступлены *Agri Decumates*.

Утвердившие на черноморских берегах свое господство готы распадались на две ветви: в нижнедунайской равнине, в прежней Дакии, превратившейся теперь в Готию, жили тервинии, иначе вестготы, на востоке, за Днестром, до приволжских стран — грейтунии, или остготы. И вестготы, и остготы распадались на целый ряд мелких племен, сохранивших в той или иной мере свою самостоятельность, что не мешало тому, что во главе каждой из двух названных ветвей готов часто появлялись национальные короли. В IV в. среди готов распространилось христианство (в форме арианства). «Готский Моисей» *Ульфил* (происходивший из поселенной на Дунае пленной семьи малоазиатских греков, родившийся около 310 г.) составил для готов азбуку и перевел на готский язык библию (отрывки этого перевода дошли до нас и являются драгоценнейшим памятником старогерманского языка). От готов арианство распространилось среди других германских племен. Во второй половине IV в. среди готов преобладающее положение приобрели остготы. Королю их *Германариху* повиновались не только вестготские короли и вожди других германских племен, но и мелкие финские народы Поволжья и, может быть, некоторые славянские племена.

Вот этому-то Германариху и его далеко не сплоченной державе и пришлось принять первый удар надвигавшихся на Европу гуннов (тюркско-монгольского племени, долго кочевавшего в глубине средне-

азиатских степей и постепенно подвигавшегося в равнину Волги). Это произошло в 375 г. Германрих пал в битве, а остготы были увлечены гуннской ордою на запад, в направлении к Паннонии (нынешняя Венгерская низменность). Вестготы, спасаясь от приближавшейся орды, ринулись к Дунаю. И вот, в 376 г. к императору *Валенту* в Антиохию прибыло востготское посольство. Вестготы просили императора позволить им поселиться в пределах империи и за это обещали ему свою службу и подчинение. Просьба их была исполнена: около 200 000 человек, способных носить оружие, с женами, детьми и стариками (всего до 700 000 или 900 000 человек) были размещены гарнизонами в Мёзии (теперешняя Болгария), и местные власти должны были снабжать провиантом это варварское войско, поселенное на территории империи, чтобы защищать ее от внешних врагов. Злоупотребления, которые позволяли себе римские чиновники, заведовавшие продовольствием, а также разные другие притеснения, которым подвергали варваров представители имперской администрации, вызвали среди готов открытое восстание. К восставшим в большом количестве присоединились римские крестьяне и рабы, и весь Балканский полуостров подвергся страшному разгрому. Император Валент был разбит и убит в сражении с восставшими (в 378 г.) при Адрианополе. Только в 382 г. *Феодосию* удалось усмирить восстание и заключить с готами договор, в силу которого они признали власть императора и в качестве союзного войска получали квартиры и содержание в разных частях Балканского полуострова. Варваризация Восточной империи стала делать большие успехи.

Не иначе дело обстояло и в Западной империи. Здесь также, за недостаточностью собственных военных сил, правительство принуждено было прибегать для защиты империи от варваров к варварам же, для чего вдоль рейнской границы селило группы варваров на положении *лэтов* или *федератов*, чтобы они отражали нападения бургундов, аллеманов и франков, часто вторгавшихся в Галлию и державших ее в состоянии хронического разорения. *Лэты* (*laeti*), как мы уже видели, были германцы, поселенные на государственных землях и обязанные за это наследственно нести военную службу; своих участков (*terrae laeticae*) они не могли отчуждать; они имели корпоративное устройство, жили, по-видимому, по своему германскому праву и были подчинены т. н. *praefectus laetorum*. *Федераты* (*foederati*), как это тоже было указано, это — целые германские племена, принятые империею на свою территорию с обязательством защищать империю; признавая верховенство императора,

они сохраняли свое племенное политическое устройство, своих королей, свое право — словом, являлись в виде вассальных королевств под верховенством империи. Их устраивало римское правительство на отведенной им территории на положении римского войска на постое, с той, однако, существенной разницей, что римские землевладельцы, по домам которых их расквартировывали, должны были не только отводить им часть (третью) своего дома, но и отдавать им третью часть своей земли. Варваризация делала немалые успехи и в западной части римского мира, и варвары начинают играть видную роль в качестве римских администраторов и полководцев.

Империя, расшатывая основы общественного благосостояния и превратившая своих подданных в своих врагов, видевших в ее гибели свое спасение, ослабившая общество и принужденная искать опоры против варваров в самих же варварах, в немалой мере страдала и слабела и от придворных интриг — явления, весьма характерного для государства, которое устраняет всякое участие общества в политической жизни и вследствие этого всегда легко упускает из виду свою истинную цель — общественное благо — и превращается в господство и борьбу частных интересов лиц, стоящих во главе правительства в данный момент. И весьма серьезным средством в такой борьбе из-за власти являлись все те же варвары. Варварские вожди очень скоро начали понимать свое положение и не упускали случая пользоваться им в интересах своих и своих племен. Немало ослабляла империю и вражда между западной половиной империй и ее восточной половиной.

Полный простор придворным интригам открылся со смертью императора Феодосия и с началом царствования его неспособных сыновей — *Аркадия* на востоке и *Гонория* на западе. Варварским вождем, который решился воспользоваться своим положением, был *Аларих* (из знатного рода Балта), которого поселенные на Балканском полуострове в качестве состоящего на римской службе варварского войска вестготы подняли на щит и провозгласили своим *конунгом* (королем). Появление у вестготов национального короля свидетельствовало об объединительных тенденциях, созревших среди этих разбросанных по Балканскому полуострову варварских гарнизонов, и в свою очередь способствовало их укреплению. Непосредственно после провозглашения Алариха объединенные вестготы забывают о своем положении войска империи, переходят в наступательное положение и решают идти на Константинополь. Назначенный Феодосием в руководители Аркадию *Руфин*, мечтавший об

императорской короне, увидел в движении, начавшемся среди вестготов, благоприятный случай и обратился к Алариху с предложением, выгодным для обеих сторон: он обещал наделить вестготов землями, а самому Алариху отдать военное управление провинцией Иллирией, если только Аларих согласится поддержать его, окажет содействие его честолюбивым планам. Обещания были подкреплены подарками, но исполнить их Руфину не удалось: он вскоре был убит во время происшедшего в Константинополе военного бунта. Тогда Аларих со своими вестготами двинулся к Константинополю, взял со столицы огромный выкуп и спустился в Грецию, предавая грабежу ее города и села. Только явившийся в Грецию с войсками руководитель западного императора (Гонория) вандал *Стилихон* вытеснил вестготов из Пелопоннеса в северную часть страны. Стилихон принужден был по требованию Аркадия удалиться со своими войсками, а с Аларихом был заключен договор, по которому Аларих получил военное начальствование в Иллирии (с титулом *dux*), а вестготы были поселены на территории этой провинции, плодородной и богатой пастбищами, на положении федератов; их снабдили оружием, одеждой и провиантом и разместили по домам местных жителей, как это вообще делало римское правительство со своим войском, которое оно ставило на постой; кроме того, все крепости, арсеналы и государственные магазины в Иллирии попали в руки вестготского короля.

Аларих и его вестготы этим, однако, не удовлетворились. Их манила Италия. И это не было тайной для Стилихона, который и стал производить деятельные приготовления ввиду предстоящей борьбы. Для этого были вызваны в Италию римские легионы из Британии и значительная часть рейнской армии. Таким образом, Британия была оставлена на произвол судьбы и вскоре была завоевана англосаксами, а для того чтобы обеспечить защиту германской границы, были заключены новые договоры с франками и алеманами, по которым они в качестве федератов получили новые земли в Галлии и Реции. Вестготы не заставили себя долго ждать. В ноябре 401 г. Аларих уже осаждал Аквилею. Поход этот был, однако, неудачен. Стилихон с полчищами наемных варваров разбил вестготов при Полленции (6 апреля 402 г.) и при Вероне, и Аларих вернулся в Иллирию.

Хотя вестготы были отражены и Италия была спасена от варварского захвата, но для империи поход Алариха имел весьма губительные последствия; вызванное им сосредоточение римских войск

в Италии открыло варварским племенам свободный путь на римскую территорию, несмотря на уже упомянутые нами союзы, заключенные Стилихоном с некоторыми из них. Бургунды, аллеманы и франки окончательно утверждаются на левом берегу Рейна; свевы, вандалы и аланы проникают даже в Испанию; что касается дунайских провинций Реции и Норики, то они уже раньше были заняты варварами, а Паннония находилась в руках гуннов. В 404 г. разноплеменные полчища варваров под предводительством *Радагайса* появляются даже в Италии и производят здесь немалое разорение, и только энергии Стилихона, быстро организовавшего войско, преимущественно из варваров и рабов, была обязана Италия своим вторичным спасением от варварского нашествия. Радагайс попался в плен и был казнен, и лишь жалким остаткам его полчищ удалось бежать за Альпы.

Мы видим, что империя уже не имеет сил защищать свои провинции и варвары благодаря этому получают возможность все более и более утверждаться на римской почве, не встречая никакого противодействия со стороны римского населения, видевшего в них скорее своих избавителей, чем врагов. Занимая части римской территории таким в сущности мирным путем (завоевательные нашествия, завоевания в собственном смысле являются в виде исключений), варвары вовсе не имеют в виду разрушать империю; они обыкновенно признают над собою ее верховную власть. Империя таким образом постепенно раздробляется на ряд вассальных варварских королевств.

Такой исход представлялся единственно возможным для обеих сторон. Варварам он давал главное, в чем был смысл их движения на запад, давал им землю для оседлого существования; для империи же это был единственный способ обеспечить свое существование в тех условиях, внутренних и внешних, в каких она находилась. И выдающиеся люди, руководившие в эту эпоху делами империи, ясно представляли себе всю настоятельность этого *modus vivendi*. К этим людям принадлежал и Стилихон. С этой целью он завел переговоры с Аларихом; он предлагал вестготам в собственность какую-нибудь пограничную провинцию и ежегодно определенную сумму денег с тем, чтобы они взяли на себя защиту империи. Массе римского населения Италии такая политическая дальновидность и широта понимания едва ли были доступны; в германцах она видела варваров и еретиков (ариан), и потому людям, желавшим устранить Стилихона и самим занять первое место после императора, легко было опереться на это настроение массы. И вот против Стилихона соста-

вился при дворе заговор, во главе которого стоял любимец Гонория, некто *Олимпий*, поднявший знамя патриотизма и православия. Стилихона обвинили в намерении завладеть престолом для своего сына, в тайных сношениях с Аларихом и в измене империи, и в 408 г. он был убит по приказанию императора. По всей Италии начались жестокие преследования германцев, ариан и язычников. 30 000 расквартированных в Италии варваров ушли к Алариху.

Смерть Стилихона, помешавшая осуществлению его обещаний вестготам, и сопровождавшее ее движение против германцев и ариан, вызвавшее необходимость вмешательства в их пользу, явились для Алариха серьезным основанием для того, чтобы двинуть свои полчища на Италию. Рим был окружен ими со всех сторон. Начался голод и мор. Только огромный выкуп спас столицу империи от дальнейших ужасов. Аларих снял осаду и отступил к северу, в Тоскану, и здесь его войска расположились стоянками. К нему массами перебежали римские рабы и колоны (говорят, до 40 000 человек). Аларих ждал ответа от Гонория на свое предложение союза. Император и его равенский двор с пренебрежением отнеслись к вождю вестготов и к его предложению. Тогда Аларих опять двинулся к Риму и осадил его, но решительных действий не начинал, все еще надеясь на мирный исход. К императору опять было отправлено посольство: Аларих предлагал за себя и за вестготов мир, подданство и верность империи, если вестготам уступят провинции Норик, Венецию и Далмацию и ежегодно будут выдавать жалованье деньгами и хлебом, а ему дадут высшее военное звание *magister militum*. Из переговоров этих ничего не вышло, и Аларих счел себя вынужденным прибегнуть к решительным мерам. По его требованию римский сенат объявил Гонория лишенным престола и провозгласил императором городского префекта *Аттала*. Такая сговорчивость сената объясняется тем, что Аларих предварительно занял гавань Остию и захватил все хлебные магазины. Вскоре, однако, и Аттал был низложен, оказавшись лишенным всех необходимых для правителя качеств, и в конце лета 410 г. Аларих в третий раз осадил Рим. 24 августа 410 г. рабы открыли одни из ворот, и в течение трех дней и ночей, с разрешения Алариха, вестготы грабили столицу империи, еще обладавшую многими сокровищами. После этого с награбленной добычей вестготы двинулись в южную Италию. Аларих думал переправиться из Регия в Сицилию, а затем в Африку; но буря разбила его суда, а внезапная смерть расстроила все его планы.

После смерти Алариха вестготы подняли на щит его родственника *Атаульфа*. Через два года после этого, в 412 г., Атаульф, заключив, по-видимому, договор с Гонорием, покинул Италию и перешел со своим племенем в южную Галлию. Не встретив здесь серьезного отпора, Атаульф овладел без затруднений частью Галлии, между Роной, Гаронной и Пиренеями с главным городом Нарбонной, но вскоре погиб в Испании в войне с вандалами. Его преемник *Валлия* заключил с императором Гонорием договор, по которому вестготы получили для поселения провинцию Аквитанию с главным городом Толозою (т. е. территорию между Пиренеями, Атлантическим океаном и Гаронною). Таким образом, вестготам удалось, наконец, после долгих странствий, достигнуть своей цели, прочно основаться на римской почве, и это *Тулузское королевство вестготов* было вместе с тем и первым варварским королевством на римской территории.

Получая от империи для своего поселения Аквитанию, вестготы брали на себя обязательство защищать империю от ее врагов, становились имперской армией, обязанной доставлять империи военную помощь. В качестве римского союзного вспомогательного войска вестготы были устроены в Аквитании на основании римского закона о военном постое, о т. н. *hospitalitas*. Подобно римскому легионеру, каждый гот с семьею получал квартиру в домах местного галло-римского населения. Ему отдавались часть дома (обыкновенно $\frac{1}{8}$) и часть урожая с земли владельца дома, у которого он помещался. Разница с прежним временем была только в том, что римские легионы получали от местного населения только кров, содержание же им выдавалось из казенных магазинов, теперь же, когда средства фиска истощились, податная система империи (доставлявшая казне продукты натурой) пришла в расстройство, содержание расквартированного войска также стало повинностью общества, местных землевладельцев. Таким образом, ничего подобного насильственному отнятию земель у туземного населения и превращению этого населения в крепостных (как думали в прежние времена), ничего подобного завоеванию в настоящем смысле этого слова, мы здесь не видим. Конечно, вооруженные, дикие и необузданные варвары весьма нередко нарушали установленные нормы, определявшие их отношение к туземному населению, безоружному, разоренному, деморализованному. Порядок этот не мог долго держаться, своей неопределенностью ведя к целому ряду неустройств, столкновений, неурядиц, и скоро пришли к сознанию необходимости раз-

дела территории между готами и туземным населением. По-видимому, вестготы получили одну треть земель, а остальные две трети были оставлены прежним владельцам.

Глава этого вассального королевства вестготов, оставаясь королем своего племени, становившегося теперь имперской армией, в то же время делался главнокомандующим этой армии с титулом *magister militum*, становился военным сановником империи, подданным императора. Кроме титула *magister militum*, вестготские короли часто получают еще и титул *патриция*, т. е. титул высших гражданских сановников империи, и это дает право предполагать, что и гражданское управление занятой вестготами римской провинции, административная и судебная власть над туземным галло-римским населением также была передана королю вестготов, ставшему таким образом и высшим гражданским сановником империи. Вестготский король теоретически является в полном смысле слова наместником императора (не имевшего средств осуществить над ним свою власть), фактически же господином всего населения занятой им области.

Это несоответствие между теоретической постановкой власти вестготского короля и ее фактическим положением иллюстрируется каждым шагом короля и его войска. Вестготы воюют по поручению императоров с занявшими (вместе с свевами и аллеманами) Испанию вандалами, но захваченные у вандалов земли их короли оставляют за собою и не думая передавать их империи; при удобном случае они направляют оружие против самой империи; так, они захватывают Нарбоннскую Галлию и вследствие этого их государство простирается уже от Альп до Океана и уходит в глубь Испании. Размножение населения (при вступлении в Галлию численность вестготов едва ли превышала 300 000 человек, считая жен и детей), а может быть, просто факт усиления и сознания этой силы приводит к новому разделу, по которому у туземного населения была отнята еще одна треть земель. Едва ли это разорило туземцев: раздел касался главным образом латифундиев галло-римской знати; к тому же с установлением варварского господства с земли снято было тяжелое бремя государственных налогов, и население, даже лишенное части своих земель, вздохнуло при варварах свободнее. В конце концов и та фикция, которая еще соединяла королевство вестготов с империей, была уничтожена, и от совершенно ослабленной когда-то мировой монархии совсем оторвалась одна из ее частей. Это произошло при короле *Эйрихе* (466—468 гг.). «Видя постоянную смену императоров и слабость империи, — говорит автор “Деяний

готов" историк Иордан, — Эйрих занял как независимый государь (jure suo) Галлию и Испанию»*. Вестготское королевство становится совершенно самостоятельным.

Возникновение Вестготского королевства представляет собою типический случай в истории расчленения Западной Римской империи на ряд варварских королевств. В общем, это было действительно расчленение, вызванное внутренним ослаблением империи, ослаблением связей, некогда соединявших в крепкое целое все части разбросанного по всему тогдашнему миру государства, а не простое завоевание, не разгром варварскими полчищами могучего политического организма, как это представляли себе ученые прежнего времени. Не внезапная катастрофа, но постепенный процесс довольно медленного перерождения римского государства и общества, постепенно воспринявшего в себя варварские элементы, — вот факт, который вполне может быть констатирован при изучении смены древнего мира миром средневековым. Даже такие факты, как завоевание англосаксами Британии (с половины V в.) и вандалами Африки (в 439 г.), завоевание в настоящем смысле этого слова, не подрывают истинности этого общего факта. Британия ведь была, как мы видели, предоставлена самой себе после того, как из нее были вызваны Стилихоном римские легионы для борьбы с Аларихом; что же касается вандалов, то они были призваны из Испании в Африку римским наместником этой последней провинции Бонифацием; так что и в первом, и во втором случае варварам осталось только взять то, что или было оставлено на произвол судьбы не могшей уже защищать своих владений империей, или же прямо предлагалось им ею в лице представителей ее власти, которая давно уже потеряла из виду свою истинную цель — общественное благо — и попадала в руки фаворитов неограниченного монарха, преследовавших свои личные цели. Медленно и постепенно выделялись из империи варварские королевства, медленно и постепенно произошло и окончательное упразднение императорской власти на западе.

Возникновение *Бургундского королевства* столь же характерно для рассматриваемого нами процесса. Мы укажем только главные факты. Во второй половине III в. после Р. X. мы находим бургундов, живших прежде, во времена Плиния и Птолемея, между Одером и Вислой, уже на Рейне, в соседстве с аллеманами, для которых они являются то союзниками в набегах на римскую грани-

* *Jord. Geth.*, 26.

цу, то врагами. К концу III в. аллеманам каким-то образом удалось прорваться через *limes romanus* и распространиться от Майна до Констанцкого озера. Для борьбы с ними император Валентиниан I призывает бургундов, и эти последние вместе с римлянами сражаются против аллеманского короля (в 370 г.). В 410 г. бургунды поддерживают узурпатора *Иовина*, принявшего императорский титул в Галлии, переходят Рейн и занимают часть его левого берега. Победитель *Иовина*, римский полководец *Констанций*, утверждает за ними эту местность (в 413 г.).

Бургунды, таким образом, сделали первый шаг в своем утверждении на почве Галлий. Они становятся федератами империи, что не мешает им, как и другим римским союзникам этой эпохи, делать по временам нападения на римские области, чтобы с помощью насилия расширить свои владения. Попытки эти вызывали иногда серьезный отпор со стороны Рима; так, в 436 г. бургунды потерпели жестокое поражение от римлян: 20 000 человек с королем *Гондикаром* пало под ударами гуннов, служивших вспомогательным отрядом в римском войске. Оставшиеся в живых бургунды были переселены римским полководцем *Аэцием* (в 443 г.) в *Сабаудию* (*Sabaudia*, нынешняя *Савойя*), т. е. в альпийскую область в южной Галлии, между Женевским озером, *Роной* и *Дюрансой*, на положении римского вспомогательного войска.

С этих пор начинается усиление бургундов, которые постепенно начинают играть немаловажную роль в тогдашних сложных и часто менявшихся, крайне неустойчивых отношениях римско-варварского мира. В 451 г. они под начальством *Аэция* сражаются с *Аттилой*. В 457 г. в истории бургундского королевства мы наблюдаем весьма любопытный факт, крайне характерный для тогдашних отношений между империей и варварами и вполне гармонирующий со всем тем, что уже нам известно об обществе Римской империи этого периода, — факт, в котором в более яркой форме проявилось общее отношение римского общества к государству: жители 1-й *Лионской* провинции пригласили бургундов занять эту провинцию, желая таким путем избавиться от фискального гнета империи. Границы бургундских владений расширяются, таким образом, без согласия империи, но и без всякого насилия; бургунды становятся защитниками, патронами галло-римских землевладельцев («семифутовыми патронами», *septipedes patroni*, как их насмешливо называет один современник). Владения бургундов все расширялись, распространившись на долину *Роны* до Средиземного моря и к северу,

и в конце концов заняли весь бассейн Роны. Несмотря на свое усиление, бургунды остаются послушными федератами, помогающими Риму в его борьбе с другими варварами. Не без связи с этим обстоятельством находится тот важный факт, что они расширяли свои владения не путем завоевания, не с помощью силы, но покрывая своим покровительством одну за другой провинции, где почти совершенно исчезла бессильная римская власть; бургундский король принимает здесь на себя обязанности и права римского сановника с титулом *magister militum*, а потом (с короля Гундобада, от 474 до 516 гг.) и *патриция*, соединяя, таким образом, в своих руках высшую военную и высшую гражданскую власть. Верность бургундских королей империи прекращается только со смертью последнего из них; их королевство более других подвергается романизации. Как и у вестготов, экономическое положение бургундов определилось в результате раздела земли между ними и туземным галло-римским населением, причем раздел этот производился здесь раза три все более и более увеличивая доли (*sortes*) бургундов, по мере того как положение их становилось все более и более самостоятельным и владения их все более и более расширялись.

Северо-восток Галлии постепенно заняли франки, и их короли, подобно королям вестготов и бургундов, также получили титул *magister militum* и своими войсками защищали империю от ее врагов, а фактически были совершенно самостоятельными государями. В руках римлян была в Галлии лишь небольшая область, которой правил некто *Эгидий*, но и она была в сущности совершенно независимой от римского центрального правительства.

Если мы прибавим к этому, что и Далмация находилась в таком же положении, как находившаяся под управлением Эгидия часть Галлии, то можем сказать, что ко второй половине V в. Западная Римская империя состояла уже из одной только Италии, так как к этому времени из нее выделились одна за другой все ее провинции (Галлия, Испания, Африка, Британия), образовав ряд самостоятельных варварских королевств. Но недолго пришлось просуществовать Западной империи и в таком скромном объеме. Мы считаем не лишним несколько остановиться на последней странице истории римской императорской власти на Западе, чтобы конкретно представить себе, до какой степени незаметным и незначительным фактом было ее окончательное упразднение, подготовленное всем ходом предшествовавшей эволюции, разбиравшей империю на ряд варварских королевств.

Последнее столетие римской истории не без основания, как мы уже могли видеть, называют веком господства германцев. Целые германские племена или отдельные их части составляют военную силу империи, а отдельные личности из среды их занимают самые высшие должности в империи и фактически управляют римским войском и римским государством. И чем дальше, тем это преобладание варварских элементов в империи все более и более выступает вперед. Если империи удалось еще просуществовать некоторое время, то этим она обязана все тем же варварам. Варвары же спасли ее, а вместе с тем и весь западный мир от Аттилы, который соединил под своею властью все гуннские племена и целый ряд германских племен по ту сторону Рейна и, причинив своими нападениями немалый урон Восточной империи, всюю массою своих пестрых полчищ ринулся на Западную империю. Известно, что отпор (в 451 г.) дали ему вестготы, франки и бургунды, сражавшиеся под начальством римского полководца Аэция, игравшего в империи роль Стилихона.

Аэций, подобно своему предшественнику, пал жертвою придворной интриги, убитый по приказанию императора Валентиниана. После его смерти наступила полная анархия. Валентиниан был убит сенатором *Максимом*, занявшим после этого императорский трон. Вдова убитого императора, Евдокия, в ответ на требование Максима выйти за него замуж призывает из Африки в Италию вандальский флот с королем вандалов, грозою всего Средиземного моря, *Гензерихом*. Население Рима поднимает мятеж и убивает Максима, а вандалы в течение четырнадцати дней предают Рим истинно вандальскому грабежу и, нагрузив корабли богатой добычей, возвращаются домой.

После смерти Максима главнокомандующий (*magister militum*) имперских войск, то есть наемных варварских отрядов, варвар-свев *Рицимер* признает императором *Авита*, провозглашенного в Арле императором жителями Галлии при содействии вестготского короля *Теодориха II*. Авит вскоре отрекся от престола. Его преемник *Майориан* (457 г.) делал тщетные попытки восстановить дисциплину и вести борьбу с аллеманами и вандалами, вообще серьезно отнесся к своему положению главы империи, как он его себе представлял, но как не представлял его себе Рицимер, фактический обладатель силы и власти в империи, видевший в императоре свое орудие, а не самостоятельного государя. Рицимеру не ко двору пришелся этот запоздалый последователь Траянов и Адрианов, и он отделался от него убийством (в 461 г.), заставив провозгласить импе-

ратором *Севера III*, который действительно сумел понять свою роль и ни во что не вмешивался, продолжая жить так, как жил и до своего возвышения.

Когда Север умер, Рицимер в течение двух лет вовсе не замещал никем императорского трона; и только желая приобрести содействие восточного двора в борьбе с вандалами, он обратился после этого в Константинополь с просьбой назначить императора для Западной империи. Императором был назначен патриций *Антемий* (Анфимий). В каком положении находилась императорская власть на Западе, об этом красноречиво свидетельствует такой факт: чтобы упрочить свое положение, новый император выдал за варвара Рицимера свою дочь. Согласие Рицимера со своим коронованным тестем продолжалось недолго. Дело кончилось тем, что Рицимер призвал к себе на помощь бургундов и свевов, провозгласил императором рекомендованного ему вандальским королем, знаменитым Гейзерихом (иначе Гейзерихом), сенатора *Олибрия* и пошел на Рим. Антемий защищал Рим с помощью готского отряда. Рицимер вошел в сношение с некоторыми сенаторами, Рим был взят и разграблен варварами, а Антемий по приказанию Рицимера был убит. Зараза вскоре унесла всемогущего начальника римских военных сил; за ним последовал и новый, поставленный им император *Олибрий*.

Умирая, Рицимер передал главное начальство над составлявшими военную силу империи варварскими отрядами своему племяннику, бургундскому королю *Гундобаду*. Гундобад возвел на престол *Гликерия*, а византийский двор назначил на то же место *Юлия Непота*, правителя Далмации. Когда Юлий Непот подступил к Риму, Гликерий, не имея достаточного числа приверженцев, отказался от императорского сана, предпочтя ему сан епископа. По формальному договору Юлий Непот уступил Овернь уже владевшим ею фактически вестготам.

Недолго оставался на троне и Юлий Непот. Когда он попытался удалить в Галлию нового начальника римских войск *Ореста* (когда-то правая рука *Аттилы*), этот последний поднял восстание, и императору пришлось бежать в Далмацию. Орест вступил в Равенну (в марте 475 г.), и спустя некоторое время его войска провозгласили императором его малолетнего сына *Ромула Августула*. Не прошло и года, а Орест был уже лишен той власти, которую ему давало главное начальство над военными силами империи и положение отца малолетнего императора. Его свергли его же войска. Варвары-наемники, извлекавшие огромные выгоды из каждой смены императоров,

заставляя каждого нового императора давать им все новые льготы (большое жалованье, награды и т. п.), потребовали от Ореста трети земли в Италии. Отказ вызвал среди них восстание, во главе которого стал *Одоакр* (как говорят, сын герульского или ругийского князя Эдекона, игравший прежде значительную роль при дворе Аттилы, а после смерти гуннского царя отправившийся искать счастья в Италии в качестве простого солдата). Взбунтовавшиеся войска подступили к Павии, где искал спасения Орест, взяли этот город и разграбили; Орест был схвачен и казнен. Ромул Августул был низложен и отправлен на житье в Кампанию, где в его распоряжение была предоставлена роскошная вилла на берегу Байского залива и назначена пенсия в 6 000 червонцев. Войска провозгласили Одоакра своим королем. Одоакр сделался, таким образом, *королем германцев в Италии*, тех разноплеменных варварских отрядов, которые составляли военную силу империи, а теперь сплотились в одно новое германское племя.

Это произошло в 476 г. Восточный император *Зенон* продолжал считать законным властителем Запада жившего в Далмации *Юлия Непота*, но потом согласился на просьбу присланных римским сенатом депутатов оставить сан августа Римской империи исключительно за собой, утвердить Одоакра в сане патриция и поручить ему управление Италией. Таким образом, Одоакр сделался военным и гражданским главою Италии и управлял ею в качестве наместника теперь опять единого римского императора. Он отдал провозгласившим его варварам требуемую ими треть итальянских земель (не в смысле настоящего выделения трети итальянской территории в их полную собственность, а в смысле допущения каждого из варваров с его семейством к трети домов и доходов римского посессора, то есть так, как это было сначала у вестготов, бургундов и других германцев, основавших свои королевства на территории империи), но уважал законы империи и сохранил нетронутыми ее учреждения, оставив при этом всю администрацию в руках римлян. Это делало еще более незаметной происшедшую перемену, окончательное исчезновение того призрака, той тени великого прошлого, которая носила пышный титул римского императора. И современники не обратили никакого внимания на этот незначительный эпизод, перешедший в учебники истории под громким названием «*падение Западной Римской империи*».

Через десять лет после низложения Ромула-Августула погиб и последний независимый от варваров римский правитель в Галлии (в той очень незначительной ее части, состоявшей из города Суассо-

на и прилегавшего к нему округа, которая еще не была занята варварами) *Сиагри* (сын и преемник Эгидия), разбитый при Суассоне и убитый королем франком *Хлодвигом* (в 486 г.), и таким образом вся территория Западной Римской империи окончательно перешла в руки германцев, основавших на ней ряд своих королевств.

Прежде чем перейти к рассмотрению тех форм политической и общественной жизни, которые возникли теперь на римской почве вслед за поселением среди римского общества германских племен, мы постараемся подвести итоги предшествующему изложению и дать ответ на общий вопрос, в силу каких причин и как Римская империя распалась на части, разложилась на ряд варварских королевств¹³.

Римская империя прекратила свое существование, распалась на ряд варварских королевств и очистила место для средневекового развития. Таков был окончательный результат той эволюции, которая в продолжение нескольких столетий совершалась в римском обществе и государстве.

В предшествующем изложении мы старались по возможности конкретными чертами изобразить этот сложный и длительный процесс, останавливаясь на главнейших фактах и явлениях, характеризующих его политическую, социальную и хозяйственную стороны, и имея в виду дать читателю возможно ясное и точное представление о том, как совершался этот процесс и каковы его основные факторы. Мы внимательно следили за теми переменами, которые происходили в связи с все возрастающими фискальными нуждами государства в политическом строе империи и постепенно превращали политическую форму, обеспечивавшую значительный простор общественной самостоятельности и способствовавшую хозяйственному и общекультурному подъему стран и народов, объединенных для совместного труда под охраной права и закона, в узкий и неумолимо гнетущий деспотизм, мало-помалу превративший свободные общественные организации в безжизненные, механически действу-

¹³ Общим вопросом о падении Западной Римской империи занимаются: И. М. Гревс в названных «Очерках из истории римского землевладения», М. И. Ростовцев в названной выше статье (*Ростовцев М. И.* Капитализм и народное хозяйство в древнем мире // *Русская мысль*. 1910, март), Э. Мейер в указанной работе «Экономическое развитие древнего мира», а также М. Вебер в уже названной статье «Социальные причины падения античной культуры» и О. Зеек в указанной выше книге (*Seeck O.* Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Bd. I—IV. Berlin, 1895—1911).

ющие органы своего правительственного аппарата и тем подрывавший самые основы культурного развития, несовместимого с подавлением личной и общественной энергии и инициативы, а вместе с тем и свои собственные основы.

С не меньшим вниманием наблюдали мы и за теми изменениями, которым подвергался социальный и хозяйственный строй римского общества в тесной связи с его политической эволюцией, за постепенным закрепощением, прикреплением к государственному тяглу сословий и классов римского общества и за постепенным приближением общества к формам натурального хозяйства, которое привело государство к необходимости реорганизовать свои правительственные средства, а вместе с этим и всю систему удовлетворения своих основных потребностей на новых, натуральнохозяйственных началах, что повело лишь к еще большему закрепощению общества и ускорило его переход к более элементарным формам хозяйственной жизни.

Превращаясь таким образом в грандиозный ойкос, обрекавший на подневольную, наследственно-каторжную работу сословия и классы общества, Римская империя не укрепила этим, как мы видели, своей государственной организации, но лишь расшатала ее, подковав ее хозяйственную основу и создав условия для дальнейшего развития в обществе социальных сил, разлагавших государственное единство, а также развив в массах ненависть к государству как к источнику их рабства и нищеты.

Империи предстояло распасться на ряд более узких политических соединений, более соответствовавших новым хозяйственным и социальным условиям, постепенно возобладавшим в римском обществе.

Крупное землевладение, во все почти эпохи существования римского государства представлявшее собою характерную черту его аграрного строя, не только не потерпело ущерба от всех тех перемен, которые с неуклонностью стихийного процесса развивались в римском обществе в самой тесной связи с изменениями его политической организации, но как раз именно благодаря им делало все большие и большие завоевания, все более и более расширяясь за счет среднего и мелкого землевладения, постепенно поглощая землю не выдерживавших фискального бремени куриалов и столь же неудержимо таявшего и без того крайне тонкого слоя крестьян-собственников, а также за счет императорских доменов, постепенно переходивших на тех или иных основаниях в руки представителей того же правящего сенаторского класса, класса крупных землевладельцев.

По мере падения в римском мире промышленности и торговли и постепенного приближения римского общества к формам натурального хозяйства пульс хозяйственной жизни постепенно перемещался из города в деревню, в крупное поместье, главным занятием масс, основным способом добывания средств к существованию становилось для них земледелие, и земельный магнат все более и более укреплялся в своем положении социальной силы, к которой постепенно переходила власть над массой, ускользавшая из рук центрального правительства и его местных агентов.

Римская империя постепенно разлагалась на ряд крупных поместий, представлявших собою именно ту форму хозяйственной, социальной и политической организации, которая с естественной необходимостью возникала из общих условий, создавшихся всем ходом эволюции римского общества и государства. Подкопав под собою широкую народнохозяйственную почву, на которой она возникла и утвердилась в первые века своего существования, империя как широкая политическая организация должна была уступить свое место именно этой более узкой политической форме, вполне соответствовавшей тем узким формам, в которые постепенно отлилась хозяйственная жизнь римского общества.

Но этот процесс распада империи на ряд крупных поместий с хозяйственной, личной и политической властью земельного магната над сидящими на его земле людьми был осложнен и временно задержан воздействием на него очень важного внешнего фактора, каким явился постепенно надвигавшийся на империю германский мир, мало-помалу захвативший в свои руки решение ее политических судеб и в заключение раздробивший ее на ряд варварских королевств.

Мы видели, что если варвары нуждались в империи и стремились к ее пределам в поисках за землей, то и империя нуждалась в них. Ей они нужны были для пополнения убывавшего земледельческого населения, а главное — для охраны границ государства от их же соплеменников, с которыми уже не могло справиться римское войско, все более и более слабевшее. Население империи в результате всех совершавшихся в ее политическом, социальном и хозяйственном строе перемен безостановочно убывало и уже не могло дать государству необходимую для защиты его военную силу. К тому же фискальные интересы империи заставляли ее очень дорожить рабочими руками земледельческой массы и заменять лежавшую на владельцах поместий поставку рекрутов денежными взносами.

Римское войско все более и более варваризуется. Целые племена германцев поселяются на границах империи и несут сторожевую службу. Германская колонизация делает все большие и большие успехи. Мало-помалу германцы становятся главной, а скоро и единственной военной силой империи, а их племенные вожди — высшими военными сановниками империи (*magistri militum*).

Принужденная с переходом общества к хозяйственным формам, близким к натуральному хозяйству, организовать свое государственное хозяйство натуральнохозяйственным способом, империя не имела возможности материально обеспечивать свои варварские войсками иным путем, как давая им землю для поселения или же размещая их по домам местного, римского населения, т. е. заставляя римских, в большинстве крупных, землевладельцев давать им в своих поместьях и кров, и полное содержание.

Проникновение германских племен на территорию империи происходило весьма различными путями, как мирными, так и немирными. Немало было случаев резких столкновений между империей и варварами, приводивших нередко к прямым захватам со стороны германцев, к настоящим завоеваниям той или иной части римской территории.

Захваты эти и эти завоевания сравнительно легко доставались германцам, далеко не всегда встречавшим серьезный отпор со стороны римского населения. Это последнее имело, как мы видели, достаточно оснований не отождествлять своих интересов с интересами римского государства, и для него переход под власть варварских королей означал освобождение от невыносимого векового гнета, фискального и всякого иного, и для нас вполне понятно такое, например, заявление одного современника:

«Да, — говорит марсельский священник Сальвиан, — эта римская масса (*plebs*) просит у неба одной только милости — возможности провести жизнь среди варваров. И мы удивляемся, что готы не побеждены нашими войсками, когда римляне предпочитают стоять на их стороне, а не на нашей. Вот почему наши братья не думают оставлять варваров, чтобы перебежать к нам, но бегут из наших провинций, чтобы у них искать убежища. Я бы, наконец, удивился, почему все наши бедные и разоренные трибутары (колоны) не делают того же, если бы не знал единственного затруднения, их останавливающего, — невозможности унести с собой свое скудное наследство, свою жалкую хижину и свое бедное семейство».

И это не простая фраза склонного к риторике писателя. Мы уже приводили в своем месте такой совершенно достоверный факт, как призыв бургундов жителями Первой Лионской провинции в Галлии. Подобных фактов приглашения варваров местным населением той или иной римской провинции можно привести немало. В Галлии, например, во всех городах существовала партия приверженцев варварского владычества, а о галльских крестьянах, под именем *багаудов* поднимавших восстания против порабоощавшего и обездолившего их политического и социального строя (с конца третьего столетия и до окончательного перехода Галлии под власть франкских королей), известно, что они находились в сношениях с германцами и даже с Атилиой.

И неудивительно. Варварские государства, как мы увидим это при более близком ознакомлении с их внутренним строем, были организованы на более простых началах. И потребности их более проще, и удовлетворялись они самым обществом, отбывавшим свои натуральные государственные повинности, и для той фискальной организации, которая таким тяжким бременем ложилась на плечи римского общества в последние века империи, здесь не было места. Под владычеством варваров римское население могло наконец вздохнуть свободно. К тому же раздел земель, к которому в конце концов прибегли варварские короли, коснулся главным образом, если не исключительно, латифундиев знати, т. е. того класса римского общества, социальное и политическое преобладание которого являлось для масс одной из форм созданного империей гнета. Народная масса могла лишь приветствовать поселение варваров на территории империи и переход к их королям постепенно выскользнувшей из рук императора правительственной власти. Что же касается земельных магнатов, то они, давно уже утратив хозяйственную и политическую связь с имперским целым, равно как и чувство нравственной с ним солидарности, чувство имперского патриотизма, были глубоко равнодушны к судьбе империи, и не в них могли встретить варвары ее защитников. Употребляя выражение одного исследователя, можно сказать, что римское владычество хоронили без плача и причитаний.

Римская империя благодаря встрече с германским миром, распалась не на магнатские поместья, но на более обширные и более сложные по своему составу политические тела, на варварские королевства. Как увидим, это был лишь временный этап в процессе перехода европейского человечества к элементарным общественным и политическим формам, созданный временными обстоятельствами, значительно

изменившими политическую обстановку, но не внесшими существенных перемен в хозяйственные условия, в которых находилось тогда римское общество. Варварским королевствам еще решительнее, чем империи IV—V вв. пришлось организовать свои силы и средства на основе еще более элементарных хозяйственных форм и прийти к еще более определенным социальным и политическим результатам.

«Не варвары разрушили Римскую империю, — говорит Моммзен, — она пришла в упадок от собственного внутреннего разложения»*, и после всего, сказанного в предшествующем изложении, нам остается только повторить эти слова знаменитого историка.

Как совершался процесс этого внутреннего разложения империи и какая роль принадлежала в нем варварам — вопросы эти занимали нас на всем протяжении наших этюдов о государстве и обществе Римской империи, и мы старались дать на них возможно более конкретный ответ.

Мы видели, что империя постепенно впитала в себя варварские элементы, и они, проникнув в ее организм, довершили его разложение, вызванное целым рядом глубоких внутренних причин. Среди этих причин едва ли не самое видное место принадлежит самой римской государственности и тем отношениям, в какие постепенно стала она к римскому обществу, мало-помалу превратившись из когда-то гарантировавшей широкое хозяйственное и культурное развитие объединенного ею цивилизованного мира организации в противообщественную и губительную для интересов культуры силу, расшатавшую мало-помалу свои собственные основы и тем сделавшую неизбежной свою собственную гибель.

Мы внимательно следили за тем, как все более и более развивавшиеся требования имперского фиска в связи с непрерывным ростом бюрократического самодержавия мало-помалу превратили свободные общественные организации в мертвые, механически двигавшиеся колеса правительственной машины и тем убили хозяйственную и всякую иную культурную энергию в обществе и неуклонно двигали его назад, к элементарным формам хозяйственной жизни. Обществу все труднее и труднее становилось содержать громадные армии, безмерно пышный и страшно расточительный двор и несметные полчища бюрократии, щедро наделенной всевозможными привилегиями, не знавшей над собой никакого общественного контроля, глубоко деморализованной и ненасытно алчной.

* Моммзен Т. Римская история. Т. V. М., 1887. С. 367.

Система на эллинистический лад организованного принуждения и закрепощения являлась лишь паллиативом, не только не способным поднять производительную энергию общества, но в корне ее подрывавшим. Рассчитанная на широкую народнохозяйственную основу, явившись в качестве постулата и гарантии народнохозяйственного развития, римская государственность императорской эпохи неизбежно клонилась к упадку и разложению по мере перехода истощенного и разоренного ею общества к элементарным хозяйственным формам. Попытка организовать на новых началах, превратиться в грандиозный ойкос, удовлетворяющий свои государственными потребностями натуральнохозяйственным способом, заставляющий работать на себя все производительные классы общества, превращая их в свои служебные органы, не могла иметь прочного успеха и лишь окончательно подkopала экономическую почву под политической организацией империи. Не будучи в состоянии приспособить к себе новые хозяйственные условия, империя — разумею ее политическую организацию — сама должна была приспособляться к ним, давая место более узким, более соответствующим им политическим формам.

Если империя не разложилась на ряд крупных поместий с хозяйственной, личной и политической властью земельного магната над сидящими на его земле людьми, то виною тому варвары. Они явились новым ингредиентом в процессе внутреннего разложения империи, определившим его ближайший политический результат. Вместо того чтобы распасться на магнатские поместья, империя разложилась на ряд варварских королевств.